

«Днепровская правда»

г. Днепропетровск

10 СЕН 1964

10.09.1964

Максим
РЫЛЬСКИЙ

ЧИСТОЕ ЗОЛОТО ПРАВДЫ

К 70-летию со дня рождения
Александра Довженко

Исполняется 70 лет со дня рождения (1894—1956) выдающегося мастера советского и мирового кинематографа Александра Довженко. АПН предлагает вниманию читателей одну из последних работ поэта, академика Максима Рыльского, написанную им незадолго до смерти и опубликованную в газете «Правда Украины». Рыльского и Довженко связывали долгие годы личной дружбы, беззаветного служения своему народу и советскому искусству.

Лишь недавно я точно припомнил, когда впервые встретился с Александром Довженко. Это было в 1920 году. Александр Петрович был тогда секретарем губернского отдела народного образования, заведовал также (об этом пишет он в своей автобиографии) отделом искусства, был комиссаром драматического театра имени Шевченко. Как именно состоялось наше знакомство — не могу припомнить. Скажу лишь сразу: не был он тогда еще ни художником, ни деятелем кино, ни писателем, не имел никакого громкого имени, а между тем на всех, буквально на всех людей производил впечатление необыкновенно талантливого, горячего, влюбленного в жизнь человека, особенного человека. У меня осталось такое впечатление, что и тогда я уже знал определенно: этот необыкновенный человек отличится в жизни необыкновенными какими-то делами, — хоть неизвестно еще было не только мне, а и самому Довженко, в какой именно сфере. Довженко — это слово, которое с ударением произносили все, кто только с ним встречался.

Обычная схема, которую дает сам Александр Петрович в упомянутой уже автобиографии, такая: пережив разные жизненные перипетии, первые «нашел себя» Довженко в 1923 году в Харькове, выступая как художник-иллюстратор и карикатурист в прессе того времени и работая над совершенствованием своего художественного умения.

Вдруг, именно вдруг, Довженко повернул в другую сторону. Поехал в Одессу и устроился на работу на кинофабрику как режиссер. Устроился,

кстати, не имея ни малейшей подготовки для работы в кино. Очевидно, и здесь действовала та яркая талантливость, которая сразу же привлекала к себе людей: вселяла в них веру в Александра Довженко...

Итак, схема такова: работал на советской работе, потом был журнальным художником, потом стал кинорежиссером — и на этом будто точка. Будто точка, но на самом деле все дальнейшие годы жизни Довженко отмечены работой в кино...

Но это была не рядовая работа рядового кинорежиссера. Известно, что большую часть сценариев к своим фильмам — собственно почти все — написал Довженко сам. И хвалители его, и хулители (а в таких не было недостатка на прекрасном и горьком доженковском пути) не могли не признать глубокого своеобразия его сценариев. Однако о способностях Довженко как писателя, как мастера слова заговорили в полный голос лишь в годы второй мировой войны. Когда он потрясал советских людей своими страстными, пламенными, громкими рассказами, очерками, статьями, публичными выступлениями... И недавно довелось мне слышать от одного наблюдательного и тонкого человека мнение, что Довженко по-настоящему «нашел себя» как писатель. Это уже как третье — и окончательное — «нашел себя»!

Дело обстоит, очевидно, не совсем так. В киноискусстве сделал Довженко больше всего, кинохудожником он был, так сказать, прирожденным... А правда состоит в том, что всю жизнь сочетал он в себе и художника, и писателя, и кинорежиссера, и мыслителя, и общественного деятеля. Правда состоит в том, что творческое наследие Довженко нужно брать во всей чудесной совокупности. И при этом следует помнить, что весь век этот человек искал и никогда не успокаивался на найденном, что был Довженко органическим новатором, открывателем новых горизонтов в искусстве и в жизни. А искусство и жизнь были для него нераздельными.

Созданные Довженко фильмы приобрели мировую славу. При жизни автора о них много спорили. Пришлось Александру Петровичу заслу-

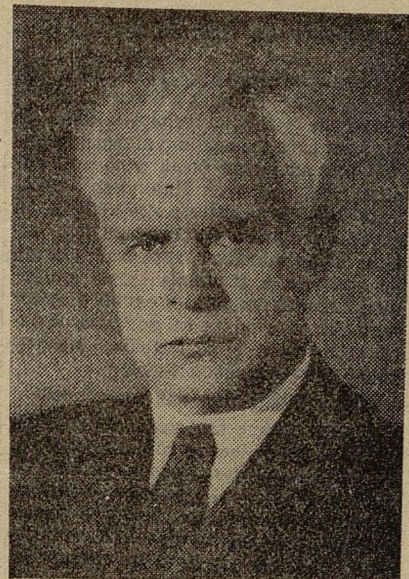
шать по поводу них немало несправедливого и обидного. Ныне можно считать общепризнанным, что Довженко — один из крупнейших мастеров советского и мирового киноискусства. Вклад его в художественную прозу, драматургию, публицистику вошел в золотую сокровищницу нашей культуры. Для всей деятельности автора «Земли», «Щорса», «Поэмы о море», «Зачарованной Десны», «Повести пламенных лет» характерно то, что каждое его новое произведение было и новым этапом в искусстве, что в каждой новой своей вещи ставил перед собой мастер новые задачи и по-новому решал их, что он будто не знал слова — остановка.

И притом весь творческий путь этого беспокойного художника был отмечен единством его основных эстетических принципов, этических и философских взглядов, единством отношений его к действительности, к жизни, к прошлому, настоящему и будущему родной страны, всего Советского Союза и всего человечества.

Первое, что определяет художника, это его отношение к действительности, к тому, что называют широким словом правда. И тут имеем ряд очень показательных теоретических высказываний Довженко, подтвержденных его творческой практикой. Скажем прямо. Довженко был сознательным и последовательным врагом мелкой правдоподобности, он всегда утверждал высокую правдивость. А это — совсем разные, часто целиком противоположные вещи. В своей статье 1954 года «Слово в сценарии художественного фильма» Довженко пламенно призывал товарищей по искусству: «Уберите вон все пятаки медных правд. Оставьте только чистое золото правды».

Любителей того, чтобы в искусстве все было «точнехонько так, как в жизни», каждый раз удивляли и поражали, а то и дразнили в сценариях Довженко и поставленных по этим сценариям фильмам эпизоды, которые действительно не отвечали требованию: «точнехонько так, как в жизни...»

Действительно, ведь уже в раннем фильме «Арсенал» немало разговоров

вызвала та концовка, где украинский рабочий Тимиш встречается в бою с гайдамаками.

«Три залпа дали по нему гайдамаки и, видя бессмыслие никчемных выстрелов своих, закричали, ошеломленные:

— Падай! Падай!
И сами исчезли.

Стоит Тимиш — украинский рабочий».

Ясное дело, это — символическая сцена, символический образ. Но наряд ли есть основания говорить о символизме, как ведущем методе большого реалиста и большого романтика, Довженко. Лучше говорить тут о великой силе обобщения, которая действительно составляла одну из самых примечательных черт Довженко.

Все, очевидно, помнят потрясающие кадры в фильме «Щорс», когда бойцы Тарашанского полка несут на носилках смертельно раненного Боженко и поют «Заповіт». По поводу этих кадров автор пишет в киноповести «Щорс» (то есть в так называемом литературном сценарии):

(Окончание на 4-й стр.)

ЧИСТОЕ ЗОЛОТО ПРАВДЫ

(Окончание. Нач. на 3-й стр.)

«Было ли это так? Полыхали ли так хутора? Такие ли были посылки, такая ли бурка на черном коне? И золотая сабля возле опустевшего седла? Так ли низко были склонены головы тех, кто нес? Или умер киевский столяр Боженко где-нибудь в глухом волынском госпитале под ножом беспомощного хирурга? Погиб, не приходя в сознание и не пророчив, следовательно, ни единого высокого слова и даже не подумав ничего особенного в последнюю минуту своей замечательной жизни?

Пусть будет так, как написано!»

«Пусть будет так, как написано» — то есть: речь идет о том, чтобы дать на наивысшей ноте последние минуты прекрасной жизни рабочего-революционера, нарисовать наиболее выразительными чертами суть его героической подвиги, а не о фотографической или фактографической точности...

Довженко любил смелые мазки, широкий лет, яркие тона, те, что мы называем гиперболизацией и чем так чаруют великие художники от Шекспира до Гоголя и от Гоголя до Маяковского. Он был безоглядно смелым.

Я упоминал имя Гоголя. Гоголь, действительно, был любимцем Довженко.

Именно Гоголя вспоминает Довженко в киноповести «Щорс», в рассказе «Тризна». Читая их, вспоминаешь не только Гоголя, а и тот бесмертный источник, который поил и Гоголя и Довженко: украинские народные думы.

Я назвал как одного из духовных отцов Довженко Николая Гоголя. На этом месте хочется назвать и имя величайшего в мире певца женщины-страдалницы, женщины-матери — Тараса Шевченко...

Высокой героине Отечественной войны посвятил Довженко много горячих страниц. Забыть нельзя то мес-

то в «Повести пламенных лет», где учительница Ульяна при немецком комиссаре и при предателе, «минус человеке» Грибовском, рассказывает ученикам о Святославе, о достопамятных делах предков. Той же героиней — в духе «убей, не сламся» Леси Украинки — озарена и смерть директора школы, Ульянина отца — Василия Марковича. Вся фигура, вся история Ивана Орлюка, победителя не только врагов, а и собственной смерти, — это живое воплощение героизма советских людей в дни Великой Отечественной войны.

Но в рассказе «Слава» читаем такие слова:

«Поэзия и героика войны заслонили драму войны, прикрыла от людского глаза грязь, пот, кровь, разор и сверхчеловеческий труд».

А в рассказе «Тризна» — еще яснее:

«Много благородного труда, много ласки, добра и доброго согласия надо постигнуть, найти и принести в жизнь, чтобы залечить как-то душевные увечья, повреждения и раны человеческие».

Эти слова великого гуманиста мы должны всегда помнить, думая о его произведениях, посвященных войне и бессмертному военному подвигу советского народа.

«...Что есть в мире более радостного и приятного, чем славная работа?» — спрашивает Довженко в киноповести «Земля». «Что может быть милее, чем после долгого дня косовицы возвращаться на закате солнца с веселого дуга домой? Тело у тебя так приятно млеет, тишина в душе, и тебе еще неполных девятнадцать лет, и ты чувствуешь, что и «она» с грабелками где-то рядом с тобой, а под босыми ногами и у тебя, и у нее теплая земля, укатанная колесами, утоптанная копытами, покрытая мягкою, точно пух, теплой пылью или нежной грязью, что так приятно щекочет — меж пальцами».

Поэзия природы, поэзия любви, поэзия труда — все это слито здесь в

единую гармонию, все это окутано чарами той красоты, той жизнерадостности, при которых даже грязь приобретает себе эпитет — нежная.

«Люблю... сажать что-нибудь в землю, чтоб произрастало... люблю сеять, сажать, лелеять, чтоб росло...» В этом — весь Довженко.

Мало есть в мире художников, в частности, мастеров кино, творчество которых было бы так естественно, так неразрывно связано с творчеством народных, с песней, как это видим у Довженко.

Уже в первых кадрах «Арсенала» звучит, как ведущая мелодия, трогательная и глубокомысленная песня: «Ой було в матері три сини...» Она вводит читателя, слушателя в грозную атмосферу этого раннего произведения Довженко, она настраивает человека на высокий патетический и поэтический лад...

В «Земле» вся сцена похорон селькора Василия, павшего от кулацкой пули, построена на перекличке песен... Этог разлив, это море песен во время похорон вновь может показаться, а вероятно, и казались чем-то сверхмерным сторонникам «пятаков медных правд», но это и есть то чистое золото правды, которое озаряло весь путь Довженко.

И «Поэма о море», и «Повесть пламенных лет» насквозь пронизаны звуками песен. Порой трудно установить, — как это бывало у Шевченко, — где и проходит грань между индивидуальным, доженковским, и народной песней...

Александр Довженко был не только глубоко национальным художником, но и пламенным патриотом. Любовь к родной земле он считал не только правом, а и одной из высших обязанностей, одной из существеннейших примет настоящего человека. Эта любовь с особой страстью воспета в «Украине в огне», в «Повести пла-

менных лет», в «Зачарованной Десне». Но надо совсем не знать Довженко, чтобы приписывать ему национальную ограниченность, тем паче — национальный эгоизм. Достаточно вспомнить такие произведения его, как «Аэроград», «Антарктида», «Ми-чурин», «Жизнь в цвету», рассказ «Тризна», чтобы убедиться, как животворила душу художника идея «семьи великой, семьи вольной новой», идея дружбы народов, идея интернационализма.

В дневниковых записях его мы то и дело видим живую, творческую, деятельную заинтересованность Китаем, Индией, Африкой, Америкой, странами Западной Европы. Ясно, что фигуры представителей капиталистического мира, носителей капиталистической идеологии рисовал он в своих сценариях острыми и резкими отрицательными красками, что произведения его времен Отечественной войны полны ненависти к захватчикам и насильникам — фашистам, — но все свое бездонное сердце отдавал он трудящимся всей земли в их борьбе за мир и за справедливость.

Довженко нежно любил свою хату, свою мать, свою зачарованную Десну. Но с невиданной остротой зрения видел он на земле новых людей, новые города, новые пейзажи.

Недавно опубликован его очерк «Хата», и там стоят такие слова: «Я не славлю тебя, моя хижина старая. Не хвастаю твоей дырявой правобережной и левобережной стрехой, не горжусь кладовой твоею...

Пусть не упрекают меня враги холоднодушие и лживые, что я превозношу и прославляю тебя, или ставлю выше всех жилищ мира. Я прощаюсь с тобой. Я говорю тебе — стинь с моей земли. Пусть тебя не будет.

Обернись в хоромы, покрыйся железом, красуйся большими окнами, вырасти, поднимись над травами, над злаками, над садами... Я не восхища-

юсь тобой, не возношу тебя до небес перед миром.

Нет, я говорю тебе, седой: ой, хатонька, моя голубочка, спасибо тебе — прощай».

Сын своего времени, автор «Аэрограда» и «Мичурина» наиболее полно, выразительно и могуче проявил свое отношение к будущему, наиболее звучно пропел славу коммунистическому строительству в своей «Поэме о море».

О чем эта поэма. О Каховке, о создании Каховского моря, о чудесах новой техники, о замечательных новых людях? Да, конечно. И, разумеется, не только о Каховке, но и об Ангаре, и о Енисее, и о будущих межпланетных полетах, и о превращении всей земли в новую землю. Но этим сказано еще слишком мало. Это поэма о человечности, о человеческой душе во всех ее противоречиях, о благородстве и труде, обновляющем мир... Тут бьется и пульсирует живое, конкретное чувство грядущих дней коммунизма, о которых так трогательно говорят два персонажа поэмы: один спрашивает, будут ли люди страдать при коммунизме, а другой отвечает, будут, ибо будут любить...

Александр Довженко не только в беседах с друзьями, но только в публичных выступлениях, но всем своим творчеством всегда смело вторгся в самую жизнь, он всей страстью своего могучего сердца любил, всем огнем своего глубокого ума видел то прекрасное, к чему идет человечество, и ненавидел все, что стоит на дороге к тому прекрасному. О всем его творчестве можно сказать собственными его словами (из рассказа «Сон»):

«Это была симфония патетическая о становлении моего советского строя на земле. Мой гимн Советской вселенной. Я создал его любовно и пылко, выковал серебряным молотом в самой горячей кузнице, вылил в невиданную донные форму моего нового времени из бесчисленного множества самых сложных звуковых сочетаний, разнообразнейших, противоречивых, как сама борьба».

(АПН).